

Гений, забранный в солдаты

С детства он любил забираться на курганы, сотворенные из степной земли, впитавшей и пот, и слезы, да и столько кровушки. Землю копали лопатами, а то и рыли шаблями, и бережно насыпали из казачьих шапок и крестьянских мешков. Одни курганы были осевшие, иссушенные и обессиленные, с неожиданно проваливающимися пустотами, осыпающиеся, как их ни старались удержать стебельки чабреца, зверобоя и полыни. Другие курганы были крепкие, крутые, и маленький Тарас порой скатывался с их шершавых боков, обросших травой и колючками. Но снова упрямо карабкался на самый верх, где однажды нашел обкуренную и хорошо обкусанную трубку с еще не выветренным запахом тютюна, забытую кем-то тоже охочим до вершин, откуда виден необъятный простор, а если закрыть глаза, то и весь белый свет.

А еще притягивало Тараса то, что на вершине можно было свободно дышать полной грудью. Да и кто больше дорожит свободой, чем несвободный от рождения человек, который смыслом жизни сделал преодоление несвободы! А по-настоящему несвободен тот, кто кичится своей якобы свободой, не замечая собственной зависимости от вьевшегося в сознание крепостного права, скрывающегося под любым псевдонимом или никак не названного, но гнездящегося в неизлечимо холопских генах.

Роль мужской Арины Родионовны при Тарасе сыграл его дед Иван Андреевич Шве́ц, рассказывавший ему и сказки, и предания о вольнолюбивых гайдаках, поднимавшихся то супротив надменной шляхты, то против царевых угнетателей. География восстаний была широкой – от реальной Колиивщины до метафорической Гуляйщины. Бунтарь Устим Кармалюк был одним из любимых героев дедовых рассказов, пересыпанных фольклорными версиями притч Григория Сковороды и походными песнями запорожцев с бесконечным перечислением куренных атаманов, чьи имена пахли порохом, горилкой, Черным морем и благовоениями турчанок.

После лихорадочных глотков вольного курганного воздуха юного Тараса опьянил воздух мастерских Петербургской академии художеств и сознание того, что прямо духовитые краски могут обессмертивать закаты, рассветы, извержения вулканов, прекрасный и ужасающий мир человечества. Тогда невозможно было вообразить, что он, испытавший это заманчивое искушение свободой, будет забрит в солдаты и брошен в аральские солончаки, поплатившись за то, что сумел только подержаться за краешек горизонта свободы. Однажды в ссыльном

отчаянье, когда раскаленный песок скрипел на зубах, он воскликнул: "Дождусь ли я этой хромой волшебницы свободы?"

Какая точная и горестная метафора! Увы, свобода порой сильно прихрамывает на горе тому, кто по ней изголодался, а на зубах только песок. Иногда свобода приходит настолько поздно, что отвыкшие от нее люди не знают, что с ней делать, и превращают ее во зло, подчиняя не разуму и добру, а хищным жестоким инстинктам, и тогда-то она становится бунтом "бессмысленным и беспощадным". А потом власть тех, кто вчера боролся с несправедливостью прежней власти, становится еще более жестокой. Неужели этот круг замкнут навсегда, и мы из него не вырвемся?

Почему я решил вписать национального украинского гения Тараса Шевченко в антологию русской поэзии? Конечно, не от жажды эгоистического присвоения. Трагическая биография Шевченко, его свободолюбие и вся его жизнь настолько переплетены с поэтическим духом России, что их нельзя разорвать. К тому же он и по-русски писал стихи на высоком уровне, и это делало его еще сильнее и разностороннее.

В судьбе поэта принимали участие лучшие люди России, и, терпя унижение от чиновных солдафонов и унтеров пришибевых в ссылке, он встречал самое теплое участие не только таких же ссыльных, как он, но и тех, кто по должности обязан был следить за ним и содержать его в строгости. Карл Брюллов написал портрет Василия Андреевича Жуковского, который был разыгран в лотерею, в которой участвовала даже императрица, и за 2500 рублей Тараса Григорьевича выкупили из крепостной неволи. Петербуржцы ввели его в свой круг, помогли ему развить способности художника до высокого профессионализма. Его замечательные рисунки похожи на продолжение его стихов и наполнены той же пристальностью к другим людям и состраданием.

Когда за свободолюбие его забили в солдаты, да еще по высочайшему повелению строжайше запретив рисовать и писать, он с горечью заносил в дневник: "Трудно, тяжело, невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стать навывтяжку, слушать команды и двигаться, как бездушная машина. И это единственный, опытом дознанный способ убивать разом тысячи себе подобных. Гениальное изобретение! Делающее честь и христианству, и просвещению"; "Август-язычник, ссылая Назона к диким гетам, не запретил ему писать и рисовать. А христианин Николай запретил мне то и другое. Оба палачи. Но один из них палач-христианин!"

Тарас победил, как, в конце концов, дух человеческий побеждает бездуховность. Но не слишком ли дорогой ценой, как, в конце концов, победили и Пушкин, и Лермонтов, и Пастернак, и Мандельштам, и Ахматова? И победило ли свободолюбие?

Стихи Тараса Шевченко я слышал из певучих уст моих

украинских бабушек Марии и Ядвиги еще в детстве на станции Зима, куда за крестьянский бунт была сослана из Житомирщины в конце XIX века в кайданах их деревня, взбунтовавшаяся против жестокого помещика, а возглавлял бунтовщиков мой прапрадед – обедневший польский аристократ Иосиф Байковский.

Я пришел к Пушкину через Шевченко, хотя могло быть и наоборот. И они теперь навеки слияны во мне. И не только во мне, но и в миллионах украинцев и русских, которых иногда пытаются духовно сравнить те, кто с агрессивной амбициозностью говорит якобы от имени своих народов.

О духовном родстве с Тарасом я написал так:

Я, конечно, родился в России,
но когда-то, в иных временах,
во Днепре мою душу крестили
и Шевченко, и Мономах.

Первую статью о Тарасе Шевченко "Великие завещают борьбу" я напечатал еще в 1961 году. Написанная с эзоповскими пассажами, возрожденными поколением шестидесятников, мальчишески озорная статья была направлена против современной бюрократии, цензуры, и это прекрасно понимали тогдашние читатели, весьма сообразительно читавшие между строк. К сожалению, сообразительность цензуры тоже возрастала.

После стольких переводов и я попробовал к "Заповіту" прикоснуться, сделать свою версию, сочтя, что слово "могила" здесь означает "курган", то есть могилу, у которой есть вершина, поднимающаяся над миром, откуда можно увидеть страдания, войны и междоусобицы, раздиравшие и раздирающие его до сих пор. Я переводил не по книге, а с рушника, который лет двадцать, наверно, висит у меня в переделкинском кабинете. Простите, если не удалось.

Я использую выражение "в Украине", так как сам Тарас Шевченко употребляет его наравне с привычным нам "на Украине", например: "Посіяли гайдамаки В Україні жито..." Теперь это словосочетание воскресло и закрепились в языке.

Завещание

Как умру, похороните
Меня на вершине,
На кургане, по-над степью
В милой Украине.

Чтоб в раздолье, в чистом поле,
Там, где Днепр под кручей,
Было видно, было слышно,
Как ревет ревучий.
Понесет он с Украины
В сине-сине море
Вражью кровь, и станет сразу
Горе мне не в горе.
Дойду к Богу из неволи,
До его порога,
Помолиться, а дотоле
Я не знаю Бога.
Схороните и вставляйте,
Кандалы порвите
И недоброй вражьей кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В мире вольном, новом
Не забудьте, помяните
Незлым тихим словом.